

СКАЗКА Е. ШВАРЦА «ПРИНЦЕССА И СВИНОПАС» В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Айнагуль Шабданбаевна Абдыраманова

Доктор филологических наук,
и. о. профессора,
Бишкекский государственный
университет им. К. Карасаева
Почтовый адрес: пр. Ч. Айтматова, 27,
Бишкек, 720044, Кыргызстан
Электронный адрес: aabdyramanova@bhu.kg
ORCID: 0009-0004-3235-8821

Замира Атакожоевна Сейткожоева

Кандидат педагогических наук, доцент,
Бишкекский государственный
университет им. К. Карасаева
Почтовый адрес: пр. Ч. Айтматова, 27,
Бишкек, 720044, Кыргызстан
Электронный адрес: zseitkojeva@bhu.kg
ORCID: 0009-0008-9548-279X

Евгений Олегович Дронов

Инженер-программист
Бишкекский государственный
университет им. К. Карасаева
Почтовый адрес: пр. Ч. Айтматова, 27,
Бишкек, 720044, Кыргызстан
Электронный адрес: admin@bhu.kg
ORCID: 0000-0002-6656-4859

Аннотация

В статье анализируется интертекстуальность драматической сказки Е. Л. Шварца «Принцесса и свинопас» (1934), созданной на основе сюжетов трех сказок Г. Х. Андерсена («Новое платье короля», «Свинопас», «Принцесса на горошине»). Цель исследования — выявить формы межтекстовых связей и их функции в формировании нового художественного смысла. Теоретическую основу составляют концепции интертекстуальности (М. М. Бахтин, Ю. Кристева, Ж. Женетт, Н. А. Фатеева), понятие поэтики «чужого сюжета» (М. Н. Липовецкий) и типология цитирования М. В. Саблиной, адаптированная к анализу художественного текста. Методология включает интертекстуальный, сопоставительный, структурно-функциональный и культурно-исторический анализ. Показано, что интертекстуальность функционирует на сюжетно-композиционном, образном, идейно-тематическом и стилистическом уровнях. В тексте выявлены 40 маркеров: прямые цитаты (3), аллюзии (7), реминисценции (5), парафразы (4), культурные коды (12), устойчивые мотивы (8) и пастиш (1). Доминирование культурных кодов 1930-х годов обеспечивает актуализацию антифашистского и антитоталитарного подтекстов. Установлено, что, трансформируя андерсеновские сюжеты, Шварц усложняет композицию, расширяет систему персонажей, перераспределяет их функции и вводит выраженный социально-политический план. Интертекстуальные отсылки к Андерсену формируют диалог с европейской сказочной традицией и задают многоуровневую систему смыслов (включающую иронию, сатиру, элементы абсурда), направленную на интерпретацию феноменов власти, морали и свободы. Сделан вывод о том, что интертекстуальность в пьесе-сказке Шварца выступает не только приемом, но и принципом организации текста, значимым для понимания русской литературной сказки XX в.

Ключевые слова

Интертекстуальные маркеры, драматургическая сказка, гипертекст, гипотекст, типология Саблиной, советская литература 1930-х гг., антифашистский подтекст, сказочная традиция, литературная адаптация, диалог культур

Статья поступила в редакцию 3 марта 2026 г.

Статья доработана автором 21 мая 2026 г.

Статья принята в печать 11 июня 2026 г.

Цитирование: Абдыраманова А. Ш., Сейткожоева З. А., Дронов Е. О. Сказка Е. Шварца «Принцесса и свинопас» в контексте интертекстуальности // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2026. Т. 21. № 1–2. С. 167–185. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2026.21.1-2.10>

E. SHVARTS'S FAIRY TALE "THE PRINCESS AND THE SWINEHERD" IN THE CONTEXT OF INTERTEXTUALITY

Ainagul Sh. Abdyramanova

DSc, Acting Professor,
Bishkek State University
named after K. Karasaev
Postal address: 27 Ch. Aitmatov Ave.,
Bishkek, 720044, Kyrgyzstan
E-mail: aabdyramanova@bhu.kg
ORCID: 0009-0004-3235-8821

Zamira A. Seitkojoeva

PhD, Associate Professor,
Bishkek State University
named after K. Karasaev
Postal address: 27 Ch. Aitmatov Ave.,
Bishkek, 720044, Kyrgyzstan
E-mail: zseitkojoeva@bhu.kg
ORCID: 0009-0008-9548-279X

Evgeny O. Dronov

Software Engineer,
Bishkek State University
named after K. Karasaev
Postal address: 27 Ch. Aitmatov Ave.,
Bishkek, 720044, Kyrgyzstan
E-mail: admin@bhu.kg
ORCID: 0000-0002-6656-4859

Abstract

Evgeny Shvarts's "The Princess and the Swineherd" (1934) weaves together the plots of three Hans Christian Andersen tales — "The Emperor's New Clothes", "The Swineherd", and "The Princess and the Pea" — into a dramatic fairy tale that functions simultaneously as political allegory and philosophical parable. This study investigates the play's intertextual architecture by drawing on Genette's concept of hypertextuality, Kristeva's theory of textual transposition, Bakhtin's dialogism, Fateeva's model of intertextual counterpoint, and Lipovetsky's poetics of the "re-created plot." Sablina's linguistic typology of quotation, originally developed for media discourse, is adapted here as a classification tool for dramatic texts. Combining comparative, structural-functional, and cultural-historical methods, the analysis identifies forty discrete intertextual markers across four textual levels: plot-compositional, imagistic, ideological-thematic, and stylistic. These markers comprise direct quotations (3), allusions (7), reminiscences (5), paraphrases (4), cultural codes (12), recurring motifs (8), and pastiche (1). The cultural codes of the 1930s, which constitute the largest category (30%), encode anti-fascist and anti-totalitarian meanings beneath the fairy-tale surface, revealing how Shvarts employed the genre as a vehicle for ideological dissent under Soviet censorship. The findings demonstrate that Shvarts does not merely adapt Andersen's source material but systematically reconstitutes it: reconfiguring character functions, complicating narrative structure, and embedding a sociopolitical dimension absent from the hypotexts. A layered model of intertextual relations — spanning archetypal, pre-textual, textual, and cultural-contextual strata — is proposed, offering a replicable framework for future studies of the twentieth-century Russian literary fairy tale.

Keywords

Intertextual markers, dramatic fairy tale, hypertext, hypotext, Sablina's typology, Soviet literature of the 1930s, anti-fascist subtext, fairy tale tradition, literary adaptation, dialogue of cultures

Received 3 March 2026

Revised 21 May 2026

Accepted 11 June 2026

For citation: Abdymamanova, A. Sh., Seitkojoeva, Z. A., Dronov, E. O., 2026. E. Shvarts's Fairy Tale "The Princess and the Swineherd" in the Context of Intertextuality. *Slavic World in the Third Millennium*, 21 (1–2), pp. 167–185. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2026.21.1-2.10>

В 2026 г. исполняется 130 лет со дня рождения драматурга Евгения Львовича Шварца (1896–1958). Популярность сказок Е. Шварца обусловлена сочетанием глубокого философского подтекста с легкой игровой формой. Его пьесы-сказки стали притчами о вечных человеческих ценностях, борьбе добра со злом, любви и дружбе, о негативном влиянии власти на человека; одновременно это истории о сложном времени, в котором жил писатель. Сказка «Принцесса и свинопас» («Голый король») — одна из них.

Исследования произведений Шварца велись в соответствии с задачами советского литературоведения. Новые подходы к исследованию русской литературы, намеченные в конце 1980-х — начале 1990-х годов коснулись и творчества Шварца, в том числе интертекстуальности его произведений¹.

Современная филологическая наука рассматривает интертекстуальные связи как наиболее продуктивный раздел поэтики, который способствует адекватному прочтению анализируемой сказки². В сказке межтекстовые связи проявляются на различных уровнях: сюжетно-композиционном, идейно-тематическом, образном и стилистическом. Особое внимание уделено культурным кодам эпохи 1930-х гг.

Цель данной работы — исследование интертекстуальных маркеров, их роли и значения в сказке Е. Шварца «Принцесса и свинопас».

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: сопоставить сюжеты Андерсена и Шварца, выявить уровни и формы интертекстуальности, определить символику и культурные коды 1930-х гг., количественно систематизировать маркеры.

¹ См.: Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992; Рубина С. Б. Ирония как системообразующее начало драматургии Евгения Шварца: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1989; Кривокрысенко А. В. «Чужой сюжет» в пьесе Е. Шварца «Голый король» // Проблемы литературных жанров: матер. X Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 56–59.

² Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 47.

Научная новизна исследования заключается в комплексном интертекстуальном анализе сказки Е. Шварца «Принцесса и свинопас» с применением современных методов изучения межтекстовых связей, адаптацией лингвистической типологии цитаты М. В. Саблиной к анализу драматургического текста и количественной систематизацией интертекстуальных маркеров.

Практическая ценность работы заключается в анализе текста с точки зрения обнаружения и трансформации понимания других текстов, образов, мотивов, что дает возможность дальнейшего исследования сказок Е. Шварца.

Исследования творчества Е. Шварца прошли путь от интерпретации его пьес как сатиры на буржуазное общество³, через нравственно-философский и биографический подходы эпохи «оттепели»⁴ к изучению жанра эпической драмы и особенностей конфликта⁵. С 1990-х годов в изучении творчества Шварца доминирует интертекстуальный подход. М. Н. Липовецкий обосновал механизм «пересоздания» классических сюжетов как жанрообразующий принцип литературной сказки⁶; С. Б. Рубина показала системообразующую роль иронии на всех уровнях текста⁷; А. В. Кривокрысенко предпринял изучение нравственно-философские аспекты⁸. Д. А. Завельская и Г. С. Миронова рассмотрели жанровую многослойность и эволюцию поэтики Шварца^{9, 10}.

Системный анализ сказки «Принцесса и свинопас» в аспекте интертекстуальных связей с произведениями Г. Х. Андерсена и культурными кодами 1930-х годов до настоящего времени не проводился; данная работа призвана восполнить указанную лауну.

Теоретическую основу составляют: теория диалогизма М. М. Бахтина¹¹, концепция интертекстуальности Ю. Кристевой¹², типология транстексту-

³ Мин Е. Драматургия Евгения Шварца // Театр. 1950. № 11. С. 45–52.

⁴ См.: Цимбал С. Л. Евгений Шварц: Критико-биографический очерк. Л.: Советский писатель, 1963; Борец Ю. Б. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970.

⁵ Головчинер В. Е. Горина надо осмыслить как нашу закономерность... Вологда: Русь, 1998. С. 57.

⁶ Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки... С. 156.

⁷ Рубина С. Б. Ирония как системообразующее начало... С. 5–8.

⁸ Кривокрысенко А. В. Нравственно-философские аспекты драматургии Е. Л. Шварца: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. С. 10–12.

⁹ Завельская Д. А. Сатира или сказка: малоизвестная пьеса Е. Л. Шварца в аспекте творческой эволюции // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 3–4. С. 100; Завельская Д. А. Тени и свет сказочного мира: романтический образ и романтический топос в творчестве Е. Л. Шварца // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 38.

¹⁰ Миронова Г. С. Пьеса-сказка Е. Л. Шварца «Голый король»: сатирическая комедия или антифашистский памфлет // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 155–159.

¹¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 300–328.

¹² Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2004. С. 167.

альности Ж. Женетта в изложении Т. А. Скотниковой — пять типов текстовых отношений¹³, «контрапункт интертекстуальности» Н. А. Фатеевой¹⁴ и принцип поэтики «чужого сюжета» М. Н. Липовецкого. Для нашей статьи центральным мотивом является гипертекстуальность Женетта: именно этот тип описывает отношение пьесы Шварца к сказкам Андерсена как претекстам.

Для описания конкретных типов маркеров использована лингвистическая типология цитаты М. В. Саблиной¹⁵, адаптированная к драматургическому тексту: вместо графических маркеров публицистического дискурса (кавычки, ссылки на источник) акцент смещается на композиционные, образные и стилистические показатели, а также на устойчивые сценические ситуации и реплики персонажей.

Ограничения переноса состоят в том, что часть параметров газетного текста нерелевантна для сказки; границы между аллюзией, реминисценцией и культурным кодом в художественном тексте менее жестко формализуемы; модель не описывает архетипические мотивы и жанрово-композиционные структуры, учитываемые дополнительно. Таким образом, адаптация типологии имеет вспомогательный характер и служит инструментом первичной систематизации маркеров.

На основании рассмотренных концепций пьеса «Принцесса и свинопас» квалифицируется как гипертекст по отношению к трем гипотекстам Андерсена («Свинопас», «Принцесса на горошине», «Новое платье короля»): Шварц не воспроизводит, а системно трансформирует исходный материал — перераспределяя функции персонажей и встраивая социально-политическое измерение, отсутствующее в претекстах. Интертекстуальность при этом функционирует как «контрапункт» по Фатеевой: различные формы межтекстовых связей образуют полифоническую систему смыслов одновременно на сюжетно-композиционном, образном, идейно-тематическом и стилистическом уровнях. Методология опирается на комплексный подход к интертекстуальному анализу.

Выявление интертекстуальных маркеров проводится по следующим категориям:

- прямые цитаты (эксплицитная интертекстуальность) — дословные воспроизведения фрагментов претекстов Андерсена в тексте пьесы Шварца;

¹³ Скотникова Т. А. Понятие «интертекстуальности» в отечественной и зарубежной лингвистике // Материалы III Международной научной конференции, Краснодар, 24–26 апреля 2025 года. С. 437–438. Подробнее о пяти типах: Genette, G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree* / transl. by Ch. Newman, C. Doubinsky. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1997. P. 1–7.

¹⁴ Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.

¹⁵ Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011.

- аллюзии и реминисценции (имплицитная интертекстуальность) — скрытые или косвенные отсылки к андерсеновским сказкам, тем или иным фольклорным сюжетам, историческим событиям;
- парафразы и трансформации сюжетов — переосмысление фабульных элементов, образов, мотивов исходных текстов;
- культурные коды — элементы историко-политического дискурса эпохи;
- архетипические образы и мотивы — универсальные модели, восходящие к общезначимым фольклорным и мифологическим первоисточникам.

Тематика и цели исследования предопределили следующие методы работы: интертекстуальный, сравнительно-типологический, структурно-функциональный, культурно-исторический и количественный анализ. Интертекстуальные маркеры выявляются по пяти вышеперечисленным категориям. Структурно-функциональный анализ определяет роль каждого маркера на сюжетно-композиционном, образном, идейно-тематическом и стилистическом уровнях текста, а культурно-исторический метод обеспечивает понимание социально-политического подтекста и способов кодирования актуального антифашистского содержания через интертекстуальные отсылки.

Сказка Е. Шварца «Принцесса и свинопас» создана непосредственно на основе претекстов — сказок Г. Х. Андерсена. Название сказки Шварца прямо отсылает к сказке Г. Андерсена «Свинопас» (аллюзия), но в ее тексте звучат отголоски еще двух сказок — «Принцесса на горошине» и «Новое платье короля» (реминисценции). Сюжетный мотив двух мошенников — ткача и портного — восходит непосредственно к «Новому платью короля» Андерсена и представляет собой реминисценцию конкретного претекста: Шварц сохраняет узнаваемую ситуацию (изготовление «невидимого» наряда, публичный обман двора), но инвертирует нравственную оценку персонажей — у Андерсена мошенники действуют из корысти, у Шварца Генрих и Христиан обманывают короля ради спасения принцессы. Генеалогия мотива восходит к средневековой испанской повести («Книга об ограде» XIV в.), однако для квалификации типа интертекстуальной связи в данном тексте релевантен именно андерсеновский претекст как непосредственный источник.

Шварц писал, что «сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь»¹⁶. Этот эпиграф к сказке «Обыкновенное чудо» становится важным художественным принципом творчества сказочника; жанр сказки был способом отойти от соцреализма, но и не следовать строго сказочному канону.

Сказочная форма у Шварца полна иронии, хотя сам он до последнего времени просил не искать аллегории и подтексты в своих сказках. Шварц верил, что сказочный сюжет помогает обличать пороки власти, жестокость

¹⁶ Шварц Е. Л. Обыкновенное чудо. М.: Искусство, 1956. С. 3.

и ложь, обойти цензуру, сказать правду «Уж лучше сказки писать. Правдоподобием не связан, а правды больше»¹⁷.

Таблица 1

**Сопоставление сюжетов сказок
Г. Х. Андерсена и Е. Л. Шварца**

Г. Х. Андерсен «Свинопас»	Е. Л. Шварц «Принцесса и свинопас»
Бедный принц хочет жениться на принцессе, посылает ей подарки: живого соловья и настоящую розу, но она их отвергает, предпочитая искусственные. Принц переодевается свинопасом, чтобы ее наказать; за волшебный горшочек он требует 10 поцелуев принцессы, за второй подарок — 100. Император их уличает, выгоняет из дворца. Принц признается, что он настоящий, говорит о презрении к принцессе и отказывается жениться.	Свинопас Генрих влюблен в принцессу; после встречи она тоже влюбляется. Друг Христиан создает волшебный горшочек правды. За обучение танцу — 10 поцелуев, Генриетта удесятерит награду. Король решает отдать дочь замуж за соседнего короля-деспота. Генрих с другом пытаются расстроить свадьбу, но побег не удастся. Король-жених, деспот и щеголь, влюбляется в принцессу и заказывает новое платье. Генрих и Христиан притворяются портными, обещают сшить невидимый наряд, который «только умный увидит». Торжественное шествие голого короля, разоблачение ребенка, бегство короля. Влюбленные воссоединяются.
Посыл сказки: Творения природы прекраснее любых изобретений человека; глупая принцесса наказана за чрезмерную разборчивость, распушенность, неумение ценить настоящие ценности.	Посыл сказки: Настоящие преданные влюбленные борются за личное счастье и свободу. Придворная жизнь, основанная на лести и лжи, побеждаются искренними чувствами.

В соответствии со своим творческим замыслом, Шварц умело «пересоздавал» андерсеновские тексты. Ведь и сам Андерсен писал о подобном: «чужое произведение вошло, как говорится, в мою плоть и кровь, я заново родил его в себе и только тогда выпустил в свет»¹⁸.

Функцию интертекстуальности в сказке Шварца раскрывает анализ интертекстуальных маркеров, прежде всего прямых цитат как механизма узнавания гипотекстов.

¹⁷ Шварц Е. Л. Живу беспокойно... : Из дневников / сост., подгот. текста и примеч. К.Н. Кириленко. — Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 6.

¹⁸ Андерсен Х. К. Собрание сочинений. Т. 3. Сказка моей жизни. М.: Вагриус, 2005. С. 202.

Прямые цитаты из андерсеновских текстов составляют большой пласт интертекстуальности в пьесе. Первая цитата — реплика ребенка «*А роль-то голый!*», дословно воспроизводит кульминацию сказки «Новое платье короля» («Да ведь он голый!»)¹⁹. По М. В. Саблиной, это прямая дословная цитата без указания источника, выполняющая информативно-констатирующую и комическую функции; в шварцевском контексте она служит еще и формулой «обнажения» (разоблачения) тоталитарной власти.

Прямой видоизмененной цитатой является числовая формула «10 → 100 поцелуев»: у Андерсена свинопас назначает именно такую «цену» за волшебные подарки, у Шварца та же формула воспроизводится как плата за обучение танцу²⁰. Контекст и мотивация персонажей меняются, тогда как сама числовая пропорция сохраняется дословно — что соответствует критерию прямой видоизмененной цитаты в трактовке Саблиной.

К прямым цитатам относится реплика Генриетты о бессонной ночи: «Что-то так и впиается в тело через все двадцать четыре перины и не дает спать... Наверное, я вся в синяках»²¹, явно отсылающая к жалобе героини Андерсена: «Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня теперь все тело в синяках!»²² Выражение «вся в синяках» выступает здесь в качестве интертекстуального маркера. Такие прямые цитаты обеспечивают эксплицитный уровень диалога с андерсеновскими текстами и задают горизонт читательских ожиданий.

Более тонкую работу интертекстуальности демонстрируют литературные аллюзии. Уже заглавие пьесы «Принцесса и свинопас» контаминирует названия двух сказок Андерсена — «Свинопас» и «Принцесса на горошине», создавая двойную паратекстуальную аллюзию: принцесса названа первой, и ее роль у Шварца существенно переосмыслена.

Волшебный горшочек правды отсылает к андерсеновскому горшочку, «увешанному бубенцами»²³, но функция радикально смещена: у Шварца он разоблачает придворных, герцогиня «напихала себе в рукава девять бутербродов с икрой, двенадцать с колбасой...»²⁴ Это видоизмененная аллюзия, сохраняющая узнаваемый предметный образ, но радикально меняющая его функциональную нагрузку. Функция горшочка у Шварца — привлечь внимание придворных дам, дать время для поцелуев влюбленных.

Введение парных имен — Генриетта и Генрих — представляет собой ономастическую аллюзию на характерный для немецкой романтической сказки и европейской повествовательной традиции прием созвучных имен:

¹⁹ Андерсен Г. Х. Новое платье короля // Сказки и истории. М.: Гослитиздат, 1955. С. 98.

²⁰ Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас // Пьесы. Л.: Советский писатель, 1972. С. 18.

²¹ Там же. С. 26.

²² Андерсен Г. Х. Принцесса на горошине // Сказки и истории. М.: Гослитиздат, 1955. С. 26.

²³ Андерсен Г. Х. Сказки... С. 234.

²⁴ Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас... С. 19.

фонетическое родство сигнализирует об избранности пары и неизбежности ее воссоединения, переводя сословный конфликт в регистр «судьбоносного узнавания».

Параллельно смена заглавия — «Новое платье короля» → «Голый король» — выносит в паратекст формулу разоблачения власти.

Мотив ткачей-обманщиков инвертирован: у Андерсена мошенники действуют из корысти²⁵, у Шварца Генрих и Христиан обманывают короля ради спасения принцессы — аллюзия превращается в нравственную антитезу.

Реминисценции в тексте Шварца связаны с воспроизведением целостных сценических ситуаций из андерсеновских сказок.

Эпизод ночи испытания Генриетты представляет собой развернутую сценическую реминисценцию «Принцессы на горошине»: принцесса проводит бессонную ночь на двадцати четырех перинах, жалуется на синяки, однако — в отличие от андерсеновской героини — сознательно «проваливает» испытание, стремясь избежать нежеланного брака.

Реминисценцией становится образ *Первого министра*, льстеца под маской искренности. Пока монарх силен, он превозносит его: «Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь»²⁶, — но после разоблачения мгновенно отрекается. Образ отсылает к сатирической традиции изображения царедворцев (от Мольера до Гоголя) и к реалиям 1930-х годов.

Важным уровнем интертекстуальности становятся парафразы, через которые Шварц трансформирует образы и мотивы андерсеновских сказок.

Наиболее показательным является парафраз образа *принцессы*. У Андерсена героиня «Свинопаса» капризна, тщеславна, не умеет ценить подлинную красоту (живая роза и соловей), а предпочитает искусственные безделушки. В пьесе Шварца принцесса Генриетта, напротив, серьезна, решительна и способна на самостоятельный выбор: она влюбляется в настоящего свинопаса, защищает его от придворных («Во-первых, он не свинопас, а Генрих...»)²⁷, нарушает придворный этикет. Таким образом, исходный образ сохраняет внешние признаки (принцесса как объект внимания при дворе), но аксиологически переосмысливается.

Сходным образом представлен и образ *свинопаса*. У Андерсена это переодетый принц, который в финале презрительно отказывается от глупой принцессы. У Шварца Генрих — подлинный простолюдин, занимается грязным трудом и не стесняется его, влюблен в принцессу и готов на риск ради ее освобождения. В результате классическая модель «принц — принцесса» оборачивается демократизирующим жестом: герой низкого происхождения оказывается нравственно выше представителей власти.

²⁵ Андерсен Г. Х. Новое платье короля... С. 98

²⁶ Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас... С. 50.

²⁷ Там же. С. 15.

Особую роль играют *парафразы мотивов обмана и хитрости*. В сказке «Новое платье короля» ткачи-обманщики действуют из корыстных побуждений, а их хитрость разоблачает глупость и тщеславие монарха. В пьесе Шварца функция обманщиков передается Генриху и Христиану, притворяющимся портными, однако мотивация их принципиально иная: обман короля оправдан благородной целью спасения принцессы от навязанного брака. Фабульная схема сохраняется, но ценностный вектор меняется, что позволяет говорить о парафразе мотива обмана как «обмана-во-спасение».

Парафразом является введение нового персонажа — *Христиана*, не имеющего прямого прототипа у Андерсена, но чье имя отсылает к автору гипотекстов: он создает волшебный горшочек и выступает носителем здравого смысла, а его участие в обмане короля органично вписывается в аллюзию на ткачей-обманщиков (см. выше).

В целом образ Христиана является парафразом универсального фольклорного мотива «верного товарища» по классификации В. Я. Проппа, функции «волшебного помощника», зафиксированного в сказочных традициях многих народов: в немецком фольклоре «Верный Иоганнес» братьев Гримм (ATU 516), в итальянском — сюжет IX из IV книги «Пентамерона» Базиле, в русских сказках — Серый волк («Иван-царевич и Серый волк») и Булат — добрый молодец. Принципиально важно, что этот мотив отсутствует у Андерсена, и Шварц вводит его самостоятельно, опираясь на широкую общефольклорную традицию, а не на конкретный национальный источник.

Наиболее многочисленную группу интертекстуальных элементов в пьесе составляют культурные коды, связанные с историко-политическим контекстом 1930-х годов. Они реализуются в репликах и поведенческих характеристиках персонажей королевства жениха.

Так, реплика короля: «Мне главное, чтобы принцесса была чистой крови», а также заявление о том, что «наша нация — высшая в мире»²⁸, отсылают к расовой доктрине и идее национального превосходства нацистской Германии (культурные коды № 1 и № 2). Эти формулы служат маркерами идеологической системы, чуждой андерсеновскому миру и укорененной в реалиях времени написания пьесы.

Милитаристский характер государства кодируется через гротескные детали: «деревья в саду выстроены взводными колоннами», «фрейлины маршируют на площади», «птицы летают побатальонно» (культурный код № 3). Подобная гиперболизированная милитаризация быта и природы создает сатирический образ тоталитарного режима, в котором даже естественные процессы подчинены военной дисциплине²⁹.

Реплика офицера, требующего от солдат «трепетать аккуратно» перед приемной короля, доводит до абсурда идею регламентации чувств (куль-

²⁸ Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас... С. 25, 27.

²⁹ Там же. С. 28.

турный код № 4): «Эй ты, шляпа, как трепещешь? Трепещи аккуратно, по переднему!.. Не вижу трепета в животе!»³⁰

Культурный код придворной лести (код № 5) раскрывается в образе Первого министра. Его формула прямоты «Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь»³¹ демонстрирует, как искренность подменяется тщательно отрепетированным риторическим жестом. После разоблачения короля он же прямо кричит («Ты голый, старый дурак!»³²), а затем формулирует ключевой тезис о «национальной системе», держащейся на «непоколебимых дураках»³³. Этот фрагмент обозначает границу допустимого для тоталитарной системы: признание очевидного (нагой король) грозит обрушением «устоев» (культурный код № 6).

Культурный код эпохи проявляется и в *эмансипированном поведении Генриетты* (код № 7). Ее рукопожатие со свинопасом, отказ следовать заставшим придворным этикетам, критика «нерушимых традиций», которые предписывают порядок подачи блюд «с девятого века»³⁴, соотносятся с феминистскими тенденциями первой трети XX в. Сказочная форма позволяет Шварцу обострить социальную критику, не называя прямо адресата.

Коды 8–12 актуализируют образ короля-жениха: сон о победе над соседями прежде личного счастья (8), заготовленные шпаргалки для разговора с принцессой (9), утренняя примерка наряда (10) и потеря всех земель при неизменной агрессивной риторике (11) кодируют комплекс характеристик нацизма: военной экспансии, тотального контроля и внешнеполитической несостоятельности. «Благородство», измеряемое ста сорока восемью перинами (12), завершает портрет гиперболической пародией на аристократическую «голубую кровь».

Устойчивые мотивы в пьесе Шварца связывают ее и с андерсеновскими гипотекстами, и с более широким фольклорным контекстом.

Мотив любви, преодолевающей социальные границы (мотив № 1): в отличие от андерсеновского принца, который в финале презирает принцессу за глупость, шварцевский свинопас сохраняет верность Генриетте, а в финале пьесы происходит их соединение. Мотив любви пересекается с *мотивом народного бунта* (мотив № 2): король бежит, а победителями оказываются свинопас и его друзья, что выводит текст на уровень притчи о торжестве «малых» над тираном.

Повторяется и *мотив разоблачения власти* (мотив № 3): от андерсеновского эпизода с «новым платьем короля» до шварцевской сцены шествия «голого короля» проходит линия развития одной и той же идеи — разоблачения власти, основанной на лжи и коллективном самообмане.

³⁰ Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас... С. 29.

³¹ Там же. С. 50.

³² Там же. С. 52.

³³ Там же. С. 53.

³⁴ Там же. С. 28.

Мотив разоблачения в пьесе приобретает отчетливо антифашистское и антитоталитарное измерение в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, «Принцесса и свинопас» создана в 1934 году — в момент открытого утверждения нацистской идеологии в Германии и одновременного формирования сталинского культа личности в СССР; пьеса была немедленно запрещена и не издавалась вплоть до 1960 года, что само по себе свидетельствует о том, как советская цензура считывала ее политический смысл. Во-вторых, Шварц трансформирует андерсеновский мотив «голового короля»: у Андерсена придворные лгут из страха выглядеть глупцами, то есть мотивация индивидуальна и комична. У Шварца — это коллективное публичное исповедание заведомо ложной истины, то есть именно та принудительная практика единодушия, которая составляла идеологическую технику как нацистского, так и советского режимов: система «держится на непоколебимых дураках» (реплика Первого министра). В-третьих, подрыв этого консенсуса принадлежит ребенку — персонажу, культурно освобожденному от социального договора молчания. В народной традиции дети и юродивые являются санкционированными голосами правды именно потому, что на них не распространяется обязательство публичной лояльности. Тем самым реплика «А король-то голый!» функционирует не как случайный комический голос из толпы (какой она остается у Андерсена), а как метафора несогласия, произнесенного единственным субъектом, которому система не предъявляет требования идеологической лояльности.

Мотивы 4–8 формируют социальный и фольклорный план пьесы. Диктат (4): насильственное сватовство короля-жениха переосмысляет мотив испытаний, связывая его с кодами политических реалий. Страх перед властью (5): как уже отмечено, коллективное молчание придворных — андерсеновский по происхождению мотив — переосмысливается Шварцем. У Андерсена придворные молчат из боязни выглядеть глупцами (психологическая самозащита), у Шварца их молчание приобретает характер принудительного публичного согласия с заведомой ложью — практики, характерной для идеологического принуждения 1930-х годов.

Хитрость во благо (6): образ трикстера получает моральное оправдание — обман короля служит спасению принцессы. Испытание героини (7): Генриетта сознательно проваливает испытание ночью на перинах, превращая мотив «Принцессы на горошине» в акт сопротивления. Верная дружба (8): Христиан как «верный товарищ» русской фольклорной традиции, отсутствующий у Андерсена.

Интересной формой интертекстуальности становится пастиш — стилистическая имитация чужой манеры. В пьесе Шварца им является любовная песня, сочиненная Генрихом и Христианом в духе средневековья³⁵. Стилистические признаки кургузной лирики (архаизированная лексика, возвы-

³⁵ Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас... С. 20–21.

шенный тон, устойчивые поэтические формулы) переносятся в контекст сказки о свинопасе, что создает пародийный эффект за счет несоответствия между высоким стилем и социальным положением героя. Пастиш выполняет одновременно игровую и характерологическую функции, подчеркивая творческую активность персонажей и их способность к самоиронии.

В результате анализа текста сказки Е. Шварца «Принцесса и свинопас» выявлены следующие интертекстуальные маркеры:

Таблица 2

*Количественная характеристика
интертекстуальных маркеров*

Тип интертекстуального маркера	Коли- чество	Доля (%)	Примеры
Прямые цитаты	3	7,5	«А король-то голый!»; числовая формула «10 → 100 поцелуев»; «вся в синяках»
Аллюзии	7	17,5	Название «Принцесса и свинопас»; герой низкого происхождения становится правителем; волшебный горшочек; парные имена Генриетта/Генрих; название «Голый король»; испытание принцессы; история о ткачах-обманщиках
Реминисценции	5	12,5	Эпизод бессонной ночи; торжественное шествие короля; образ придворного льстеца; образ ребенка, говорящего правду; мотив отказа от искусственных даров
Парафразы	4	10,0	Переосмысление образа принцессы; переосмысление образа свинопаса; парафраз мотива обмана; введение персонажа Христиана
Культурные коды	12	30,0	Расовая доктрина («чистая кровь»); идея национального превосходства; милитаризация быта; регламентация чувств; придворная лесть; «национальная система»; эмансипированное поведение принцессы;

Окончание таблицы 2

			сон короля о войне; бюрократизация интимной сферы; тщеславие тирана; внешнеполитическая слабость; пародия на аристократизм
Мотивы	8	20,0	Мотив любви; мотив народного бунта; мотив разоблачения власти; мотив диктата; мотив страха перед властью; мотив хитрости во благо; мотив испытания героини; мотив верной дружбы
Пастиш	1	2,5	Любовная песня в духе средневековья
Итого:	40	100	

Наибольшее количество интертекстуальных элементов представлено культурными кодами (30%), что свидетельствует о насыщенности текста историко-политическими аллюзиями эпохи 1930-х гг. Значительную долю составляют мотивы (20%) и аллюзии (17,5%), что подтверждает глубокую связь текста Шварца с андерсеновскими первоисточниками и фольклорной традицией.

Система интертекстуальных связей в тексте Шварца может быть представлена в виде многоуровневой модели (см. рис. 1).

Схема демонстрирует многоуровневую систему интертекстуальных связей в тексте Е. Шварца. В основании расположен архетипический уровень — фольклорные протосюжеты, на которых базируются сравниваемые тексты. Три сказки Г. Х. Андерсена выступают в качестве гипотекстов (претекстов), каждый вносит свою сюжетную линию в гипертекст Шварца. В центре — текст пьесы Шварца, в котором интертекстуальность реализуется через эксплицитные и имплицитные формы на четырех уровнях: сюжетно-композиционном, образном, идейно-тематическом и стилистическом. Нижний уровень модели отражает культурно-исторический контекст, который питает интертекстуальное поле сказки и определяет авторские стратегии кодирования смыслов.

Проведенный анализ 40 интертекстуальных маркеров позволяет охарактеризовать сказку «Принцесса и свинопас» как многоуровневую гипертекстуальную конструкцию, в которой каждый уровень текста выполняет специфическую функцию в диалоге с андерсеновскими претекстами.

Рис. 1. Модель интертекстуальных связей в сказке Е. Шварца «Принцесса и свинопас».

Fig. 1. Model of intertextual connections in E. Shvarts's fairy tale «The Princess and the Swineherd»

На сюжетно-композиционном уровне Шварц производит структурную интеграцию трех самостоятельных сюжетов Андерсена в единое драматургическое целое: прямые цитаты и реминисценции обеспечивают узнаваемость источников, тогда как парафразы и инверсии перестраивают фабульную логику — герои меняют функции, финалы инвертируются, добавляются сюжетные линии, отсутствующие в гипотекстах (мотив верного товарища, испытание принцессы как сознательный выбор, а не пассивное подтверждение).

На образно-тематическом уровне аллюзии и парафразы переосмысливают систему персонажей: андерсеновские типажи (принцесса-капризница, принц-мститель, безымянный ребенок) получают психологическую глубину, имена и нравственную самостоятельность. Парные имена Генрих / Генриетта, волшебный горшочек правды, мотив «живого vs искусственного» переходят из регистра сказочной условности в регистр аксиологической позиции автора.

На идейно-тематическом и стилистическом уровнях доминирующую роль играют культурные коды 1930-х гг. (12 маркеров, 30%): они надстраивают над сказочным сюжетом политическую аллегория, делая текст читаемым одновременно как развлекательная сказка и как эзопово высказывание о механизмах власти — антифашистское по внешней адресации и антитоталитарное по внутреннему смыслу.

Взаимодействие этих уровней и порождает то, что Н. А. Фатеева называет «контрапунктом интертекстуальности»: ни один уровень не является самодостаточным — сюжетная трансформация мотивирует образную, образная — идеологическую, а стилистический пастиш скрепляет все три в единую полифоническую систему. Предложенная многоуровневая модель интертекстуальных связей — от архетипического до культурно-контекстуального страта — может служить воспроизводимым аналитическим инструментом для дальнейших исследований русской литературной сказки XX в.

Источники

Андерсен Г. Х. Сказки и истории. М.: Гослитиздат, 1955.

Андерсен Х. К. Сказка моей жизни / пер. с дат.: О. Рождественского (с. 5–363), Б. Ерхова (с. 363–702) ; редкол.: А. Чеканский, А. Сергеев, О. Рождественский // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. М. : Вагриус, 2005.

Шварц Е. Л. Принцесса и свинопас // Шварц Е. Л. Пьесы. Л.: Советский писатель, 1972.

Шварц Е. Л. Обыкновенное чудо. М.: Искусство, 1956.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Борев Ю. Б. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970.

- Головчинер В. Е. Горина надо осмыслить как нашу закономерность... // Неординарные формы русской драмы XX столетия: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Ю. В. Бабицева. — Вологда: Русь, 1998. С. 56–75. EDN UIZVYB
- Завельская Д. А. Сатира или сказка: малоизвестная пьеса Е. Л. Шварца в аспекте творческой эволюции // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 3–4. С. 85–102. DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4.6
- Завельская Д. А. Тени и свет сказочного мира: романтический образ и романтический топос в творчестве Е. Л. Шварца // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 37–52. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.03
- Кривокрысенко А. В. Нравственно-философские аспекты драматургии Е. Л. Шварца: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
- Кривокрысенко А. В. «Чужой сюжет» в пьесе Е. Шварца «Голый король»: прото-сюжеты и нравственно-философская проблематика // Проблемы литературных жанров: материалы X Междунар. науч. конф. / под ред. А. С. Янушкевич. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 56–59.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г. К. Косиков, Б. П. Нарумов. М.: РОССПЭН, 2004.
- Литовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (На материале рус. лит. 1920–1980-х гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
- Мин Е. Драматургия Евгения Шварца // Театр. 1950. № 11. С. 45–52.
- Миронова Г. С. Пьеса-сказка Е.Л. Шварца «Голый король»: сатирическая комедия или антифашистский памфлет? // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28, № 2. — С. 155–159. — DOI 10.34216/1998-0817-2022-28-2-155-159. — EDN FAAENW.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г. К. Косикова, В. Ю. Лукасик, Б. П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Рубина С. Б. Ирония как системообразующее начало драматургии Евгения Шварца: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1989.
- Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011.
- Скотникова Т. А. Понятие «интертекстуальности» в отечественной и зарубежной лингвистике // Текст — дискурс — культура: Материалы III Международной научной конференции, Краснодар, 24–26 апреля 2025 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. С. 436–440. EDN CDKJQZ.
- Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.
- Шварц Е. Л. Живу беспокойно... : Из дневников / Евгений Шварц / сост., подгот. текста и примеч. К.Н. Кириленко. — Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1990.
- Цимбал С. Л. Евгений Шварц: Критико-биографический очерк. Л.: Советский писатель, 1961.
- Genette, G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / transl. by Ch. Newman, C. Doubinsky. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1997.

References

- Bakhtin, M. M., 1979. *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
- Borev, Iu. B., 1970. *The Comic, or On How Laughter Punishes the Imperfection of the World, Purifies and Renews Man, and Affirms the Joy of Being*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
- Fateeva, N. A., 2000. *Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts*. Moscow: Agar. (In Russian)
- Genette, G., 1997. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Transl. by Ch. Newman, C. Doubinsky. Lincoln; London: University of Nebraska Press.
- Golovchiner, V. E., 1998. Gorin should be understood as our regularity... In: Iu. V. Babicheva, ed., 1998. *Non-Standard Forms of 20th-Century Russian Drama: Interuniversity Collected Scholarly Papers*. Vologda: Rus, pp. 56–75. EDN UIZVYB. (In Russian)
- Kristeva, Iu., 2004. *Selected Works: The Destruction of Poetics*. Transl. from French by G. K. Kosikov, B. P. Narumov. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Krivokrysenko, A. V., 1999. The “borrowed plot” in E. Shvarts’s play *The Naked King*: proto-plots and moral-philosophical problematic. In: A. S. Ianushkevich, ed., 1999. *Problems of Literary Genres: Proceedings of the 10th International Scholarly Conference*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, pp. 56–59. (In Russian)
- Krivokrysenko, A. V., 2007. *Moral-Philosophical Aspects of E. L. Shvarts’s Dramaturgy*. Abstract of Cand. Sci. dissertation (Philology). Stavropol. (In Russian)
- Lipovetskii, M. N., 1992. *The Poetics of the Literary Fairy Tale (Based on Russian Literature of the 1920s–1980s)*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)
- Min, E., 1950. The dramaturgy of Evgeny Shvarts. *Teatr*, 11, pp. 45–52. (In Russian)
- Mironova, G. S., 2022. Evgeny Schwartz’s Fairy Tale Play “The Emperor’s New Clothes”: A Satirical Comedy Or An Anti-Fascist Pamphlet? *Vestnik of Kostroma State University*, 28 (2), pp. 155–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-155-159>. EDN: FAAENW (In Russian)
- Piege-Gros, N., 2007. *Introduction to the Theory of Intertextuality*. Transl. from French by G. K. Kosikov, V. Iu. Lukasik, B. P. Narumov; ed. and intro. article by G. K. Kosikov. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russian)
- Rubina, S. B., 1989. *Irony as the System-Forming Principle of Evgenii Shvarts’s Dramaturgy*. Abstract of Cand. Sci. dissertation (Philology). Gorky. (In Russian)
- Sablina, M. V., 2011. *Quotation and Citing in the Texts of Contemporary Russian Newspapers*. Abstract of Cand. Sci. dissertation (Philology). Krasnoyarsk. (In Russian)
- Shvarts, E. L., 1990. *I Live Restlessly...: From Diaries*. Comp., prep. of text and notes by K. N. Kirilenko. Leningrad: Sovetskii pisatel’. Leningradskoe otdelenie. (In Russian)
- Skotnikova, T. A., 2025. The notion of intertextuality in Russian and foreign linguistics. In: *Text — Discourse — Culture: Proceedings of the III International Scholarly Conference, Krasnodar, April 24–26, 2025*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, pp. 436–440. EDN CDKJQZ. (In Russian)

- Tsimbal, S. L., 1961. *Evgenii Shvarts: A Critical-Biographical Essay*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russian)
- Zavel'skaia, D. A., 2019. Satire or fairy tale: a little-known play by E. L. Shvarts in the aspect of creative evolution. *Slavic World in the Third Millennium*, 14 (3–4), pp. 85–102. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2019.14.3-4.6>. (In Russian)
- Zavel'skaia, D. A., 2022. Shadows and light of the fairy-tale world: the romantic image and the romantic topos in the works of E. L. Shvarts. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 37–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.03>. (In Russian)